

10.3389/fpsyg.2020.01594. PMID: 32774315; PMCID: PMC7381331.

Talmy, L. (2001). *Toward a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring*. Vol.2. Pp. 134-141. Cambridge, Massachusetts: The M.I.T.Press, –

Ukanga, L., & Yimini, G. (2023). An Examination of Mental Concept and the Philosophical Problems Relating to: Thought, Emotions, Perceptions and Behavior, Sensation, Memory and Imagination, Personal Identity, Freewill and Determination Vis-à-Vis Gottfried Wilhelm von Leibniz Immaterial Substance Called “The Monads”. *International Journal of New Economics and Social Sciences (Ijones)*, 17(1), 179-192. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0053.9701>.

Zock, M. (2023). The mental lexicon: A blueprint for the dictionaries of tomorrow? *Front Artif Intell.*, 25 (5), 103-108. doi: 10.3389/frai.2022.1027392.

УДК 800:159.9

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.02>

О. С. Зубкова

Курский государственный университет,

С. А. Логвина²

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ЛИНГВО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМА: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы лингвокультурной специфики эвфемизма и эвфемии с точки зрения репрезентации языковых культурных универсалий в ментальном лексиконе носителя языка, социальной факторизации и целевого

² © Зубкова О.С., Логвина С.А. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

контекстуального доминирования, а также фактора аудитории. Авторами выделяются минимально достаточные свойства, которыми должна обладать лексическая единица, чтобы считаться эвфемизмом и успешно декодироваться в процессе коммуникации: денотативная амелиорация, семантическая контенсивность, информационная традиция. Отмечается, что при анализе лингвокультурных особенностей эвфемии проявляется ее двойственная природа, универсальный характер, что связано с глобальной общностью сфер эвфемизации в разных лингвокультурах. Акцентируется внимание на уникальности, обусловленной национальной спецификой и особенностями национального менталитета, а также социальным и контекстуальным доминированием.

Предметом исследования является эвфемизм, когнитивные процессы его формирования и его экспликации в речевой деятельности. Эвфемия рассматривается, прежде всего, как «стратегия на этапе планирования», которая отражает корреляцию языка и культурного осознания, что является одним из элементов научной новизны предлагаемого нами подхода. Эвфемизм в понимании авторов — это единственно возможный формат оформления эвфемии как во внутренней речи, так и в речи внешней (письменной или устной).

Методологическая значимость выделенных свойств эвфемизма подтверждает эмпирическую пригодность в контексте декодирования в рамках коммуникативного взаимодействия в любой культуре, поскольку репрезентирует базовые аспекты объективации устойчивых архетипов и их корреляцию с языковой системой.

Ключевые слова: эвфемия, лингвокультурные особенности, мишень эвфемизации, декодирование эвфемизма, метафоризация, метонимизация, денотативная амелиорация, семантическая контенсивность, информационная традиция

UDC 800:159.9
<https://doi.org/10.25076/vpl.54.02>

O. S. Zubkova
Kursk State University,
S. A. Logvina

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

LINGUO-CULTURAL SPECIFICITY OF EUPHEMIA: APPLIED ASPECT

The article is devoted to the linguacultural aspects of Euphemia from the point of view of the representation of linguistic cultural universals in the mental lexicon of a native speaker, social factorization and target contextual dominance, as well as the audience factor. It is stated, that there are certain minimally adequate conditions demanded from a lexical unit to be called a euphemism and be successfully decoded in the process of communication: denotative amelioration, semantic contensivity, information traduction. The linguocultural analysis of Euphemia manifests its double nature – a universal character and uniqueness due to national specificity and the characteristics of the national mentality, as well as social and contextual dominance.

The subject of our research is euphemism, the cognitive processes of its formation and its explication in speech activity. We consider euphemism, first of all, as a “strategy at the planning stage,” which reflects the correlation of language and cultural awareness, which is one of the elements of the scientific novelty of the approach we propose. Euphemism in our understanding is the only possible format for the design of euphemism both in internal speech and in external speech (written or oral).

The methodological significance of the properties of euphemism that we have identified, namely: denotative amelioration, semantic intensity, information tradition, confirms its empirical suitability in the context of decoding within the framework of communicative interaction in any culture, since it represents the basic aspects of the objectification of stable archetypes and their correlation with the language system.

Keywords: euphemia, linguocultural specificity, target of euphemisation, decoding of euphemism, denotative amelioration, semantic intensity, information traduction

Введе

В современной филологической науке наличие эвфемизма рассматривается как одна из фундаментальных черт, формирующих речевую деятельность человека, участвуя в создании массива знаний об окружающей действительности. Изучение эвфемизма давно вышло за рамки наук филологии и лингвистики и в настоящее время ведется с учетом общих закономерностей репрезентации знаний в языке на основе антропоцентрического принципа познания и организации языка, что представляет собой не ослабевающий интерес и формирует актуальность данного исследования.

В начале XX в. в лингвистике превалировала тенденция рассматривать феномен эвфемизма как попытку заменить табуированную лексику. Были предложены классификации эвфемизмов в соответствии с табуированной сферой. Эвфемия обладая способностью «вуалировать, затемнять факты и события, имеющие для общественного сознания заведомо неблагоприятную систему оценок» (Баскова, 2009), представляет собой процессуальный аспект эвфемизма как когнитивной единицы и единицы лексической, основана на использовании потенциала метафоризации и метонимизации, т.е. перенесении и формировании образов по аналогии, сходству или подобию и перенесении их в социально значимую сферу. При этом, социально значимая не обязательно связана с социумом или микро социумом, а с тем, что в текущий момент, в точке «для меня, здесь- и - сейчас» важно для носителя языка. Иными словами, именно индивид, исходя из контекста и конкретных психолингвистических параметров, определяет степень условной социализации эвфемизма.

В данном понимании сути исследуемого феномена нельзя обойти вниманием выделенное в теоретической лингвистике понятие «субстратная» эвфемия, соотносящееся с такими семантическими полями как «нарушение телесных границ, утрата или ослабление эмоционально-волевого контроля, а также религиозными понятиями» (Порохницкая, 2018). «Суперстратная» эвфемия, напротив, была представлена семантическими полями, связанными с отражением социального

разделения общества на группы и классы. С появлением новых идеологических установок акцент сместился на необходимость соблюдения морально-этических норм (стремление сохранить лицо), соответствовать требованиям вежливости и политкорректности. Многие филологи считают принцип вежливости ведущим мотивом при создании современных эвфемизмов (Порохницкая, 2018, Зверева, 2017, Иванян, Кудлинская, Никитина, 2012; Malyuga, Shvets & Tikhomirov, 2016). Другие исследователи трактуют эвфемиию как «политическую корректность языковой универсалии» (Киосе, 2017, Silveria, 2022, Pilkington, 2023). «Постоянно воспроизводимое суждение политкорректности нации в языке есть доказательство того, что эволюция эвфемии суть эволюция человеческой морали» (Ковшова, Нистратов, 2017). При этом отмечается, что эвфемия используется «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» (Ковшова, Нистратов, 2017).

Подчеркнём, что в ходе реализации эвфемии оказывается задействовано большое разнообразие эвфемистических элементов, которые способны связываться «в сознании участников речевого акта с денотативными значениями вне табуируемого круга» (Баскова, 2009), отвлекая, таким образом, внимание реципиента от запретного понятия. В функционировании эвфемии задействованы два механизма: «механизм ассоциативности отвлекает внимание адресата от табуированного понятия, изменяя эмоциональную направленность сообщения, и механизм «буфера» создает промежуточное звено между запретным словом и сознанием» (Баскова, 2009). Одной из причин обращения к эвфемии является стремление скрыть истинный смысл и значение действий, порицаемых общественной моралью, к чему часто прибегают общественные деятели и организации, стремясь преуменьшить значение какого-либо события для жизни общества. Эвфемия имеет универсальный и многомерный характер, реализовывая социальную, историческую, психологическую и лингвокультурную специфику. В качестве языковой универсалии эвфемия выступает одним из важных средств, обеспечивающих успешное общение. На основании вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать эвфемиию прежде всего как «стратегию на этапе планирования», которая отражает корреляцию языка и культурного осознания, что

является одним из элементов научной новизны предлагаемого нами подхода. Результатом эвфемизации становится появление новых мифологем, эксплицируемых в языковом поле в виде эвфемизма, которые создают и поддерживают желаемый для говорящего образ фрагмента действительности в рамках существующих культурных стереотипов. Эвфемизм в нашем понимании – это единственно возможный формат оформления эвфемии как во внутренней речи, так и в речи внешней (письменной или устной).

Поскольку эвфемизм является предметом нашего научного интереса, то основания наших методологических презумпций мы черпаем в современных концепциях когнитивной лингвистики, логично инспирирующих, как нам представляется, новую методологическую данность в виде кодирования и декодирования эвфемизма, оснований для их формализации в речевой деятельности носителей языка и дальнейшей экспликации в языковом поле на массиве письменных текстов в качестве эмпирического материала.

Методология исследования

Языковая реализация эвфемизма происходит на основе ряда преобразований структурного и семантического характера, основу которых составляют процессы метафоризации, задающие когнитивную рамку для формирования эвфемии. В ходе исследования мы приходим к выводам, что само направление преобразований формируется под влиянием: а) национального языка, который влияет на способ передачи и означивание эвфемизма; б) областей культуры, определяющих как означаемое, так и означающее формируемого знака. Знание и владение моделями культурного поведения, принятыми в данном социуме, является необходимым условием успешной реализации эвфемии. «Языковая и культурная компетентность и речевой самоконтроль – необходимые предпосылки» успешной реализации эвфемии, поскольку «несущей конструкцией любого языка является культура и её базовые ценности и институты – мораль, этика, система общественных отношений, национальные традиции, семейные обычаи» (Ковшова, 2019, с. 36). Причины эвфемизации, а также сферы, в которых она функционально присутствует, самым непосредственным

образом связаны с культурными особенностями, сформировавшимися в результате территориальной и исторической разрозненности.

Современные теоретические выводы (Баскова, 2006, Орлова, 2020, Порохницкая, 2018) содержат констатацию схожести факторов, влияющую на возникновение эвфемии в разных культурах, связанные с реликтовыми и общечеловеческими социальными явлениями. В основе лежат религиозно-суеверные табу, сформированные под влиянием страха человека перед силами, природа которых ему непонятна, к которым добавляются чувства отвращения и стыда, требующие эвфемизации явлений, связанных с личной жизнью, физиологией, неблагоприятного поведения, смерти. В результате появились многочисленные тематические классификации, связанные с эвфемией, ставшие основой создания соответствующих словарей, и насчитывающие от семи (Чейни) (Kanu, 1960) до семидесяти (Р. Холдера) (Holder, 2002) параметров. Наиболее полной и актуальной нам представляется классификация Т.В. Жеребило и А.С. Мейриевой (Жеребило, Мейриева, 2015, с. 1109-1110), в которой схематично обозначены наиболее распространенные социальные сферы, представляющиеся нам мишенями эвфемизации. Однако, ее можно дополнить с учетом методологических презумпций изложенных выше, на основе нашего понимания социальной кодификации эвфемизма и эвфемии.

Перечень тем, связанных с эвфемизацией, перманентно будет меняться в зависимости от актуальных тенденций в обществе, отражая, тем самым, широту распространения эвфемии в той или иной культуре. Представленный в последней классификации перечень тем не является полным еще и потому, что в него не вошел ряд сфер, характерных для уникальных культур в территориально изолированных странах.

Так, в Японии довольно строгая иерархичность в отношениях приводит к активной реализации эвфемии в сфере обращения и именования, когда возможность прямого упоминания/называния себя напрямую зависит от социального статуса говорящего, может отражать не только социальное положение, но и выступать в качестве поддержки неких социальных действий. Уважительная форма обращения к другому лицу при этом реализуется за счет т.н.

«почетных» префиксов и суффиксов, а доля семантических преобразований является совсем незначительной.

Использование эвфемии для наименования и адресации встречается в арабской культуре. В данном случае цель – поддерживать принятое в культуре уважение к старшим по возрасту и положению. Особое место принадлежит словам и именам, относящимся к браку или женщине, что также связано с религиозными и культурными традициями.

Очевидно, что список тем, подвергающихся эвфемистическому преобразованию, постоянно меняется и пополняется в зависимости от конвенциональных отношений внутри каждого отдельного социокультурного общества в определенный отрезок исторического времени.

Изучение эвфемии на уровне фразеологии в немалой степени способствует выявлению особенностей национальной картины мира через отношение к некоему фрагменту действительности. Это отношение может выражать как сам автор, так и целый этнос. В связи с этим мы предлагаем дополнить научный инструментарий таким лексическим элементом как эвфемизм-фразеологизм, который, по нашему мнению, характеризуется устойчивой грамматической структурой и фиксированным стилистическим регистром, обеспечивая образное выражение внеязыковой реальности, устоявшееся в данном социуме. Коннотации «эвфемизмов-фразеологизмов, как правило, имеют яркую стилистическую окрашенность, высокую степень информативности и образности» (Зубкова, Логвина, 2022, с. 55), а также позволяют отследить направление деривации в актуальном сознании носителя языка (Рамчандран, 2008).

Репрезентируя лингвокультурную специфику, процесс эвфемизации отражает присущую всем языкам тенденцию к смягчению, улучшению информации, которая приводит к замене табуированного слова или выражения субститутом. Естественные языки обладают сходным набором средств реализации эвфемии, в который входят фонетические механизмы, грамматические категории, синтаксические конструкции и т.д. Несмотря на схожесть табуируемых сфер в различных культурах, декодирование носителем языка осуществляется исходя из индивидуальных

психолингвистических факторов, новой социальной идентификации, которые мы рассмотрим на примере письменного текста.

Декодирование эвфемизмов

Рассматривая вопрос об условиях восприятия, декодирования и формирования ответной реакции на реализацию эвфемии, необходимо также продемонстрировать когнитивный аспект формирования эвфемии (когда когнитивный механизм метафоризации формирует образ, а затем, в рамках эвфемии последний «выстраивает» с учетом социального контекста стратегию). Важным фактором при этом является активность «зеркальных нейронов» и их роль в организации внутренней речи. По утверждению ученого В. Рамчандрана (Рамчандран, 2008), зеркальные нейроны обеспечивают возможность воспринимать чувства, понимать мотивы и выражать сочувствие другим, а также расшифровывать их намерения и предвидеть последующие действия. Зеркальные нейроны способствуют реализации социально приемлемых форм взаимодействия, стратегии «социального подражания» (Iacoboni, Molnar-Szakacs, 2005), к которой принадлежит этикет, такт вежливость и эвфемия. Предполагается, что зеркальные нейроны активно участвуют в социально-когнитивных процессах, к числу которых принадлежат получение и обработка информации, ее интерпретация и формирование ответа на мнения, поведение и намерения других людей. Это позволяет предположить, что «источки эвфемии необходимо видеть не столько во внешней по отношению к сознанию реальности, сколько в особенностях перцептивных и ментальных процессов индивида» (Зубкова, Логвина, 2022, с. 101).

Как нам представляется, чтобы лексическая единица могла считаться эвфемизмом и успешно декодироваться в процессе коммуникации, она должна обладать тремя минимально достаточными свойствами. По нашему мнению, первым является свойство денотативной амелиорации, предполагающее формальное «улучшение» денотата, улучшение значения. Второе – свойство семантической контенсивности, или стратегия морфосинтаксического кодирования с базовым переходом от значения к форме, что соответствует принципам семантической редукции и неопределенности. Третье свойство – информационной

традукции или аналогии (свойство признака, который переносится), что отвечает такой базовой характеристике эвфемизма как сохранение истинности и информативности исходного фрагмента действительности. Поясним нашу исследовательскую позицию более подробно.

Денотативная амелиорация представляет собой процесс нейтрализации негативных признаков денотата и отличает эвфемизм от других форм объективации знаний, являясь уникальным когнитивным свойством. Денотативные преобразования позволяют эвфемизму, как средству категоризации мира, участвовать как в систематизации, так и в оценочной деятельности по отношению к объекту коммуникации. Последнее выражается при помощи выбора как самого признака объекта (общих и индивидуально важных), помещаемого в фокус внимания в процессе денотативной амелиорации в ходе эвфемистических преобразований, так и в выборе степени сложности и характера эвфемистического преобразования.

Основой свойства *семантической контенсивности* эвфемизма являются категории образности и абстрактности, отражающие способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о явлениях и предметах окружающей действительности, связанных логически, хотя и не всегда очевидно, и объединенных общей идеей. Анализ семантической контенсивности убедительно свидетельствует о том, что эвфемистический смысл представляет собой часть содержания периферийного значения не лексического, а психолингвистического значения. Это объясняется тем, что эвфемистический смысл является результатом ситуативного употребления слова и свидетельствует об «экспериментальной» природе эвфемизма (как праксис концентрации на определенном фрагменте образа окружающей действительности). Таким образом, при декодировании эвфемизма чрезвычайную важность приобретает правильное понимание условий и обстоятельств, в которых говорящий сосредотачивает свое внимание на том или ином объекте в том или ином реляционном ракурсе (смотри подробно Зубкова, Логвина, 2022).

При этом немаловажно помнить о том, что эвфемизм является результатом лингвокультурной рефлексии (Орлова, 2020; Grishechko, 2023). Основными компонентами культуры, несущими национально-специфическую окраску, являются: традиции, обычаи и обряды (как средство приобщения к существующей в данном социуме системе нормативных требований; традиционно-бытовая культура; повседневное поведение и связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности; национальные картины мира и особенности мышления; искусство, которое отражает специфику национальной культуры в целом (Орлова, 2020, Мансур, 2020). Эвфемизмы самым непосредственным образом отражают процесс развития культуры народа, динамику и направление изменения его культурных установок. Они представляют собой «компоненты языковой личности, культурная информация которых заключена в тематические сферы их наибольшего распространения в тот или иной период культурного развития народа» (Катермина, 2021, с. 46).

С.И. Романов делает значимый вывод о культурной маркированности всех компонентов эвфемизма. «...денотативный компонент содержит информацию о наиболее значимых явлениях для лингвокультурной общности, сигнификативный – отражает их приличную, желательную, допустимую интерпретацию, прагматический – прагматические правила их кодирования или декодирования. К наиболее частотным мишеням отнесены такие, как личная жизнь человека, «физиологические аспекты жизнедеятельности, негативная оценка действительности, смерть» (Романов, 2021, с. 5). На этой дифференциации мы будем осуществлять анализ практического материала.

Сказанное выше позволяет нам предположить, что, создавая эвфемизм, стремясь максимально далеко «отойти» от негативного денотата, индивид обращается к смыслам дальней периферии психолингвистического значения, что может вызвать сложности при декодировании и, как результат, лишить высказывание статуса эвфемизма. За сохранение истинности и информативности исходного высказывания отвечает такое свойство эвфемизма как *традукция* (информационная аналогия). Для информационной

традукции первостепенными являются такие показатели как адекватность информации, т.е. ее соответствие реальной ситуации коммуникации, объем, полнота, те характеристики, которые определяют качество информации и достаточность данных для создания на основе имеющихся новых эвфемистических вариантов. От полноты данных зависит набор возможных методов, при которых погрешности, возникающие в ходе информационного переноса, будут минимизированы и, соответственно, декодирование эвфемизма будет более успешным.

Анализ эвфемизма с позиции «философии предиката» делает акцент на многокомпонентности эвфемизма, чей состав представлен как словными, так и сверхсловными единицами языка, которые могут менять структуру сознания путем создания нового, эвфемистического знаний. Это знание имеет отношение не только к порождению высказывания и его структуре, но и к расшифровке сообщения адресатом коммуникации. Эвфемизм формирует и модальные характеристики текста, выражая отношение говорящего к обсуждаемой действительности. Рассматривая модальность как коммуникативную цель говорящего, иллюкутивный потенциал эвфемизма позволяет, не искажая концептуально, «улучшить» смысл высказывания и, как результат, изменить его модальность. Результаты изучения категорий предикации и модальности свидетельствуют о том, что эвфемизм представляет собой структурно-организованное идеальное образование, отражающее закономерности восприятия мира «здесь- и- сейчас», особый лингвистический феномен, в котором соотносятся собственно семантические и прагматические компоненты, характеризующие отношение Говорящего к ситуации. В данном случае отчетливо видно противопоставление «реального» мира, который реципиент не приемлет по тем или иным причинам, другому, «приемлемому» миру, который он создает. На основании вышесказанного можем считать эвфемизм классом возможных миров, по отношению к которому смысл актуализируется в виде истины или лжи.

Лингвокультурные особенности эвфемизмов проявляются, в частности, в их двойственной природе, поскольку, с одной стороны, они представляют собой табуированные понятия и

могут считаться культурными универсалиями, а с другой являются «уникалиями, так как сравнение тематических групп в разных языках приводит к обнаружению лакунарности в описываемой сфере» (Денисова, 2016, с. 271). Поэтому при всей общности культурных и психологических предпосылок возникновения эвфемизмов очевидна национальная специфика и наличие мифологем национального менталитета, влияющих на состав эвфемистических средств выражения. Номинативные области эвфемизации в различных языках не могут полностью совпадать, поскольку «на их формирование оказывает влияние комплекс лингвокультурологических факторов, что эксплицитно выражено как в количественном соотношении исследуемых областей, так и в семантике зафиксированных единиц» (Реброва, Бабаян, 2019, с.172). На количественные и качественные показатели эвфемии в различных культурах непосредственным образом влияют различия в прагматических установках той или иной дискурсивной деятельности в разных культурах.

По нашему мнению, в этих условиях эвфемизм как вербально-логическая пространственно-временная реляция, базируется на внутреннем убеждении Говорящего, которое представляет собой рефлексию своего физического и ментального состояний и тех изменений, происходящих с ним конкретный момент времени. Он опирается на денотат, известный в текущей ситуации собеседникам, а также опыт – внутренний и внешний. Опыт формирует убеждение, благодаря которому возникает потребность в эскапистской деятельности. Прибегая к эвфемизации, продуцент не только выражает собственное отношение к объекту действительности, но, создавая «другой» мир, формирует и направляет мысли реципиента о данном объекте или ситуации.

Индивид стремится к замещению реальности в контексте эвфемии по причинам, носящим негативный характер, стремясь уйти от неприемлемого для него набора социальных смыслов и сформировать новые, приемлемые смыслы и даже состояния. Потребность в создании эвфемизма возникает в ходе рефлексии Говорящим своей коммуникативной позиции, поскольку эвфемизм дает возможность обращения к любой, даже запретной теме за счет неограниченного количества возможных реляционных ракурсов, сохраняя при этом отношения похожести с первичным денотатом.

Современная филологическая наука уже давно отказалась от толкования эвфемизма только как способа преодоления табу. Сейчас его зачастую рассматривают как средство продвижения и навязывания прагматических установок, когда семантика эвфемизма «обслуживает» личные, коммерческие и политические интересы (Орлова, 2020, Порохницкая, 2016). Мы акцентируем внимание на том, что современные трактовки декодирования эвфемизма не могут не учитывать широкий спектр психолингвистических аспектов, как то: социальная факторизация и целевое контекстуальное доминирование, а также фактор аудитории.

В ходе реализации эвфемии актуализируются критические вопросы о том, правдивой или ложной является данная эвфемистическая конструкция по отношению к реальной ситуации, каков объем предъявленного субъективного/объективного мнения, с какой целью использована подобная эвфемистическая конструкция, какую реакцию ожидает получить в ответ Говорящий и т.д. В эвфемистическом дискурсе эвфемизм эксплуатируется посредством функции идеологического характера: он нивелирует или заглушает нежелательные интерпретации с целью подавления возможной негативной реакции собеседника, маскирует существующую точку зрения при помощи таких лингвистических ресурсов как пассивизация, номинализация, пресуппозиция как часть грамматического эвфемизма и лексические замены, просодических, кинетических и других ресурсов. Выбор и способ функционирования этих семантических фигур определяется моделями и социально-идеологическими установками участников коммуникации. С критической точки зрения эвфемистический дискурс представляет собой средство убеждения, посредством которого осуществляется идеологический и социальный контроль, управление вниманием собеседника, направление его на конкретную точку зрения, намеренно выбранные Говорящим. Эвфемия направлена на того участника (или участников) коммуникации, чьи общественные нормативные установки являются в коммуникативном взаимодействии смыслообразующим основанием процессов категоризации и

концептуализации мира в контексте эвфемистического дискурса, «целью которого является представление контента наиболее привлекательным образом для эмотивного воздействия на реципиента и создания ощущения «сопричастности»», которое, в свою очередь, может «выстраиваться только на узнаваемых, привычных культурных скрепах, способствующих определению места различных ценностей в индивидуальной картине мира» (Зубкова, 2021).

Эвфемистическое воздействие характеризуется разноплановостью и разнообразием средств (как лингвистических, так и экстралингвистических), интенсивностью и завуалированностью воздействия, что способствует возникновению суггестивности и сопровождается незаметностью, неосознанностью, произвольностью усвоения. Вместе с тем заметим связь с реализацией психолингвистических параметров экспликации речи, социолингвистических аспектов, уточняющих процессы эвфемизации в виде конкретной эвфемистической единицы. Это связано с такими свойствами эвфемизма как интенцией «улучшить» денотат, редуцируя его сигнификативные признаки; положительно маркированными оценочным и экспрессивным компонентам значения; снижением степени выраженности признаков эвфемизируемого явления; повышением стилового регистра. Объект эвфемизации определяется ценностями той лингвокультуры, в рамках которой он используется, с теми культурными нормами и установками, которые регламентируют употребление эвфемизмов. Эвфемизация тесным образом связана с прагматикой языка и обусловлена интенциями общения и коммуникативными факторами, что находит отражение в появлении новых и «отмирании» старых тем. Степень эвфемизации речевого общения, частота употребления в определенных типах дискурса отражают правила речевого этикета, принятые в данном языковом коллективе.

Исследование репрезентации лингвокультурного фактора функционирования эвфемизма

Иллюстрируя названные выше методологические презумпции измененных социальных условий декодирования, денотативной амелиорации, семантической конденсированности, информационной традиции обратимся к практическому рассмотрению и

филологическому осмыслению эвфемизма. Одним из ярких сегментов уникального культурного наследия является монархический строй, сохранить который удалось лишь немногим странам мира, что, безусловно, представляет интерес не только с лингво-культурологической точки зрения, но и с позиции теоретического осмысления исследуемого феномена. Широкая публика, например, в Великобритании, всегда проявляла внимание к персонам королевской семьи, их личной и общественной жизни. Кроме того, после смерти королевы Елизаветы в стране ведутся дискуссии относительно актуальности сохранения самого института монархии, хотя по данным опросов 60% жителей страны поддерживают его существование. Вопрос наследования власти и права на престол исторически был и остается «зоной высокого напряжения» как внутри королевской семьи, так и за ее пределами. Статус наследника престола делает жизнь его обладателя относительно понятной и регламентируемой, в отличие от статуса принца, не имеющего перспектив наследования трона.

В связи с этим объектом нашего осмысления стала автобиографическая книга принца Гарри «*Spare*», которая представляет собой определенную квинтэссенцию реализации иносказательного отношения общества через описание фактов личной жизни членов британской королевской семьи. В английском языке существует неформальное выражение для обозначения первого и второго детей монарха мужского пола - «the heir and the spare» (или «the spare to the heir»), в семантике которого заложено несколько пренебрежительное отношение ко второму наследнику трона, у которого в современном мире практически нет шансов взойти на престол. Выражение уходит своими корнями к 1570 году, впервые оно было употреблено применительно к Генриху Анжуйскому. Само наличие специальной лексемы «*spare*» вместо, например, «второй сын» или «следующий претендент на трон» говорит о противопоставлении этих двух персон и легитимности их притязаний, одновременно задавая рамку их восприятия обществом. Название книги само по себе является эвфемизмом, так как обозначает «свободный» (в контексте королевских обязанностей от короны) или «запасной» по отношению к самой

неприемлемой трактовке как «лишний». Кроме того, эта лексема выступает и как своего рода эвфемизм призванный эксплицитировать юмористический эффект, посредством иносказательного образа с комическим аспектом, который табуирует факт замены, намекая на то, что, если что-то случится с первым наследником, второй заменит его или выступит в качестве «донора». Очевидно, что сфера мишень репрезентируется с учетом контекста с акцентом на юмористический эффект для того, чтобы снизить градус напряженности. Подобная формулировка по отношению ко второму ребенку в семье, в которой воспитывается будущий король (первый ребенок), наталкивает на мысль о непростых внутрисемейных отношениях. Возможно, выбрав слово «spare» в качестве названия своей автобиографической книги, принц Гарри хотел выразить свои негативные чувства, обиду на то, что в семье с ним обращались как с «запасным», и такое же отношение транслировалось прессой.

Обсуждение членов королевской семьи, их личной жизни традиционно является сферой, в которой существуют определенные рамки, ограничения, призванные поддерживать высокий статус монархии в целом, что обуславливает наличие эвфемизации в данном виде дискурса.

Практическим материалом исследования послужили 15 статей в англоязычной онлайн прессе (*The New Yorker*, *The New York Times*, *Slate*, *Vox*, *Vanity Fair*, *The Washington Post*, *The Los Angeles Times*, *The Wall Street Journal* и др.), представляющие собой отклики (рецензии) на книгу принца Гарри «Spare».

Мишенями эвфемизации в проанализированном материале стали:

- личность принца Гарри, в т.ч. его интеллектуальные способности, образ жизни, подробности личной жизни;
- социальные аспекты его жизни, статус в семье, отношения с другими членами королевской семьи, книга, которую он выпустил, отношения с прессой;
- смерть матери.

Отдельного упоминания заслуживает такая мишень эвфемизации как институт монархии в целом, его актуальность и статус в современной Великобритании.

Мишень «Личность принца Гарри»

а) интеллектуальные способности, о которых рецензенты высказываются довольно нелестно, критикуя его нелюбовь к чтению и интеллектуальному труду: *not really big on books; a man more of action than of thought or words; doesn't really reflect on, let alone cultivate, his inner life; not-too-complicated dude; disinclined to read much of anything.*

С точки зрения аксиологических установок британского общества такая оценка отражает положительное отношение к ценностям культуры и литературы, умственной работе, высокому уровню интеллектуальности и образованности, особенно ожидаемого от представителей высших кругов общества, получающих элитарное образование. Неспособность принца к саморефлексии косвенно сигнализирует о его неспособности играть заметную роль в управлении государством. Отрицательные частицы *not* и префикс *dis* используются для смягчения негативной оценки, отражая интенцию к камуфлированию его недостаточно высоких интеллектуальных способностей.

б) образ жизни: *liken him to Bridget Jones; occasionally wayward youth; Harry's circumstances have often been unusual; he was undercover in his own life.*

В данном примере эвфемизм очевидно строится на информационной традукции или аналогии, как части метафоризации за счет прецедентной отсылки к британскому фильму «Дневник Бриджит Джонс», что способствует созданию образа взрослого годами, но не повзрослевшего человека, который никак не найдет себя и, подобно подростку, ведет себя инфантильно и безответственно. Этот образ нашел свое воплощение и в англо-американском фильме «Мой мальчик», снятому по роману Н. Хорнби, что свидетельствует о растущей тенденции молодых людей избегать социальной ответственности и «затягивать» вступление во взрослую жизнь. К этой тенденции британское общество, в котором традиционно культивировались такие ценности как чувство долга и социальная ответственность, относится с явным неодобрением. Экцентricность, которую люди склонны прощать молодым людям, вызывает неодобрение и непонимание, когда речь

заходит о взрослых людях, особенно носителях высоких титулов.

в) физиологические процессы и состояния: *loosened his bowels; the effect of magnesium on his bowels*.

Правила приличия практически в любой лингвокультуре запрещают публичное отправление естественных нужд, и такие случаи являются общественно порицаемыми. Но, кроме того, в статьях явно читается неодобрительное отношение к тому, что такая информация становится публичной, нарушая традиционное стыдливое отношение британцев к подобным фактам частной жизни.

в) обозначения частей тела, связанных с «телесным низом»: *tingling thing; nether regions; todger; South Pole* и наименования половых отношений и действий, им сопутствующих: *not unlike a young stallion; quick ride; took his virginity*.

Следует отметить, что в данном случае интенциональным фактором эвфемизации является высокая степень табуированности в сфере личной жизни человека. Эвфемизмы, использованные в статьях для определённых номинаций, являются общеязыковыми и воспроизводятся в типичных коммуникативных ситуациях с учетом лингвокультурных традиций и ценностно-нормативных концепций, требующих табуизации данной сферы жизни человека. Интерес представляет речевой эвфемизм *South Pole*, который использует сам Гарри, делая отсылку к своему путешествию на Северный полюс, в ходе которого он получил обморожение.

Мишень «Социальные аспекты жизни принца Гарри»: статус в семье, отношения с другими членами королевской семьи, книга, которую он выпустил, отношения с прессой.

а) отношения между Гарри и его отцом и братом, которые он сам описывает как иерархичные, не всегда теплые и поддерживающие: «...his every step determined by the inescapable legacy of the countless royal dead»; «...they're clearly not in the right frame of mind to listen...»; «...father and brother's assumptions about his intelligence»; *air-clearing meeting*; «...we can only hope he's happy with his end of the deal, a pact more Faustian by far than anything his father or brother have ever signed»; *the classic older-sibling-younger-sibling stuff*; «...William's crime seems to be mostly that he grew up and Harry did not».

Положение второго сына априори является менее статусным, что не может не вызывать напряжения в семейных отношениях. Наличие обязанностей и отсутствие прав не способствует гармонии и пониманию между братьями, отцом и сыновьями. При помощи эвфемизации в данном случае выражается симпатия к человеку, вынужденно находящемуся на «втором плане», осуждается несправедливость по отношению к детям и отсутствие поддержки в семье.

б) положение Гарри в королевской семье: *back-up player; the shadow, the support, the Plan B; he was never too concerned with his place in the line of succession; «Heirs, always, over spares»; weren't a fully vested member of the Royal». В данных примерах мишенью эвфемизации является статус «запасного», как продолжение заявленного в названии книги. С одной стороны, такие качества как ущербность и неполноценность, каким бы объективными обстоятельствами они не были вызваны, не приветствуются обществом, поэтому амелиорация происходит за счет прецедентного апеллирования к спортивным терминам. С другой, очевидным является проявление сочувствия по отношению к принцу в связи с его «ущербным» статусом. В данном случае проявляются такие черты британского менталитета, как стремление побеждать, ценность достижений и побед, высокая конкурентность и важность личных заслуг.*

Практически в любой культуре порицаются такие качества как неблагодарность, неспособность ценить то, что дано от рождения, а также привычка жаловаться, попытки манипулировать, взывая к сочувствию. В британской лингвокультуре ценится сдержанность, чувство собственного достоинства и умение «держать удар», поэтому жалобы принца не всегда встречают сочувствие, в его адрес раздаются и упреки в неблагодарности, декодированные следующими эвфемизмами: *lack of appreciation of his birthright; a prince who isn't all that impressed by his birthright*. Принца критикуют за то, что в своей книге он открыл слишком много нелицеприятных фактов о членах своей семьи, сделал именно то, за что так часто и яростно сам критиковал прессу: *Harry bursts any number of inaccurate reports; to perform uncomfortable media interviews; «... a little more Faulkner and less Fleet Street would be helpful here»; «It feels like a*

diatribe from someone who has only recently learned that it is physically possible to talk openly about his life and his anger, and who now has no idea how to modulate himself»; «He writes as if he is the first privileged male to notice the unfairness of primogeniture»; «Too much information...». Гарри не демонстрирует те качества, которые ценятся британцами (и не только) в мужчине – последовательность, сдержанность, чувство собственного достоинства.

Поскольку одной из центральных тем книги является влияние на его жизнь психологической травмы, которую Гарри получил после смерти матери, она звучит и в рецензиях на книгу: *airyrealm; latemother; loss; interred*. Мишенью эвфемизации очевидно становится традиционная тема – смерть, которая вербализуется при помощи традиционных общезыковых эвфемизмов, эксплицируемых в соответствии с выделенными выше аспектами: денотативной амелиорации, семантической контенсивности, информационной традукции.

Актуальность самой монархии как института также становится объектом комментирования с помощью следующих эвфемизмов-фразеологизмов: *expropriating the royals entirely; «But how should royalty ever think otherwise?»; «...the monarchy is ripe for a reckoning».* В данных примерах присутствует отражение дискуссий по поводу актуальности монархии как института, которые стали более активны после смерти королевы Елизаветы, в которых в завуалированной форме звучит мысль о необходимости ее упразднения. При этом стоит заметить, что количество таких примеров незначительно, что может свидетельствовать о бережном отношении британцев к обсуждению данной темы.

Значительная часть книги посвящена отношениям с прессой, которую Гарри, с одной стороны, ненавидит за травлю матери и назойливое внимание к его семье и ему лично, а с другой, использует как средство донести свою позицию. В попытке скрыть свое негативное отношение к представителям прессы Гарри прибегает к следующим эвфемистическим выражениям: *media-inflicted wounds; invasive tactics of the press; to the spewing verbiage of the media churn; telling tales; speculated worriedly; inaccurate reporting*. По нашему мнению мишенью эвфемизации является стремление прессы воздержаться от резких оценок методов и последствий собственных действий, поскольку назойливость и

бесцеремонность репортеров по отношению к публичным людям уже стали общим местом и давно получили негативную оценку общества. Используются такие номинации, которые при декодировании неизменно выводят на денотат, камуфлируемый более лояльными коннотациями.

Результаты исследования

Значимыми результативными выводами анализа функционирования эвфемизма можно признать реализацию интенциональных факторов эвфемии в анализируемом материале, за счет табуизации номинаций, связанных с личной жизнью человека и смертью, а также камуфлирование неприятных моментов, связанных с конкретной личностью (например, принца Гарри, его статусом, семейной и общественной жизнью). Кроме того, актуализация выделенных нами мишеней эвфемизации и их анализ, интерпретация внутренней формы эвфемизмов, экспликация культурных норм и установок, которые детерминируют их употребление, позволяет сделать выводы об особенностях миропонимания, культурных и исторических ценностях современного лингвокультурного сообщества (например, британского). Так, положительно воспринимается умение достойно вести себя в обществе, быть ответственным человеком, образованность, умеренность, стойкость характера. Неодобрительно воспринимается несдержанность, попытки вызвать сочувствие, неблагодарность. В целом, можно отметить сохранение традиционно уважительного отношения британского общества к монархии и членам королевской семьи, что проявляется в наличии определенных ожиданий от того, что их личность и общественная жизнь будут соответствовать высокому статусу. Одновременно с этим проявляется, хотя и не так выражено, как первая, более современная тенденция, которая выражается в стремлении представить титулованных особ как обычных людей с присущими им недостатками. При декодировании нами отмечена реализация таких свойств эвфемизма как: денотативная амелиорация, семантическая конденсированность, информационная традукция, которые выступают в прямой зависимости от реализации психолингвистических факторов самого автора и социальных аспектов, характеризующих

британское общество. Вместе с тем подчеркнём, что методологическая значимость выделенных нами свойств эвфемизма подтверждает эмпирическую пригодность при анализе исследуемого феномена в контексте декодирования в рамках коммуникативного взаимодействия в любой культуре, поскольку репрезентирует базовые аспекты объективации устойчивых архетипов и их корреляцию с языковой системой. Перспективным видится развитие данного подхода на материале разных видов дискурса в иноязычном сопоставительном аспекте.

Литература

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков. Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Кубанский государственный педагогический университет, Краснодар, 2006. – 23с.
2. Денисова Э.С., Халиман М.Б. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 270–280.
3. Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-5. – С. 1107–1110.
4. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 86-90.
5. Зубкова О.С. Аксиологический аспект кодификации образных систем метафорических значений в дискурсе сказки // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1(40). – С. 95–101.
6. Зубкова О.С., Логвина С.А. Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. – 206 с.
7. Иванян Е. П., Кудлинская Х., Никитина И. Н. Деликатная тема на разных языках: Монография и словарь эвфемизмов

- деликатной темы / Под общ. редакцией Е. П. Иванян. – Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2012. – 332 с.
8. Катермина В.В. Эвфемизация как средство проявления национального характера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uhk.cz/file/edee/pedagogicka-fakulta/pdf/pracoviste-fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf>
 9. Киосе М.И. Изменчивый образ человека в не прямых и прямых номинациях в тексте // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – С. 149-160.
 10. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 4. – С. 35-48.
 11. Ковшова М. Л., Нистратов А. А. Критерии восприятия эвфемизмов: экспериментальное исследование языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социуме - 6. – М.: Канцлер, 2017. – С. 329-332.
 12. Мансур М.Х.С. Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа «социальные пороки») : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. – 361 с.
 13. Орлова О.С. Принцип не прямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2020. – 22 с.
 14. Порохницкая Л. В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма: Монография. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 167 с.
 15. Рамачандран В., Оберман Л. Разбитые зеркала: теория аутизма // Аутизм и нарушения развития. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 1–9.
 16. Реброва Н.Е., Бабаян В.Н. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков) // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 (18). – С. 171–177.
 17. Романов С.И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка : автореф. дис.... канд. филол. наук. – Тула, 2021. – 18 с.

18. Bayard L. The verdict on Prince Harry's book: Juicy, humorous, resentful and sad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/books/2023/01/10/prince-harry-spare-book> (дата обращения 21.02.2024)
19. Brown T. Spare by Prince Harry review – magical thinking in Montecito [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/17/spare-by-prince-harry-review-magical-thinking-in-montecito-tina-brown> (дата обращения 15.03.2024)
20. Cooke R. Spare by Prince Harry review – dry your eyes, mate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/15/spare-by-prince-harry-review-dry-your-eyes-mate> (дата обращения 05.03.2024)
21. Coughlan C. Spare review: The weirdest book ever written by a royal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-64223264> (дата обращения 15.03.2023)
22. Dockterman E. *Spare* Is Surprisingly Well Written-Despite the Drama Around It. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/6246029/prince-harry-spare-review/> (дата обращения 26.02.2024)
23. Grady C. Prince Harry's *Spare* is a sad and self-indicting portrait of royalty on the brink [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vox.com/culture/23550867/spare-review-prince-harry> (дата обращения 14.02.2024)
24. Grishechko E. G. Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research // *Training, Language and Culture*. – 2023. № 7(2). – P. 80-92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
25. Hensher Ph. *Spare* reviewed: Harry is completely disingenuous – or an idiot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spectator.co.uk/article/spare-reviewed-harry-is-completely-disingenuous/> (дата обращения 03.03.2024)
26. Higgins Ch. Spare by Prince Harry review – a flawed attempt to reclaim the narrative. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/10/spare-prince-harry-review-attempt-reclaim-narrative> (дата обращения 26.02.2024)

27. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean. – New York: Oxford University Press, 2002. – 501 p.
28. Jacoboni M., Molnar-Szakacs I., Gallese V. et al. Grasping the intentions of others with one's own mirror neuron system // PLoS Biol. – 2005. – Vol. 3. – No. 3. – P. 0529–0535.
29. Jacobs A. Prince Harry Learns to Cry, and Takes No Prisoners, in 'Spare' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/01/10/books/prince-harry-spare-review.html> (дата обращения 14.03.2024)
30. Kany Ch.E. American-Spanish Euphemisms. – Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1960.
31. Kaufman J. 'Spare' Review: Titled and Entitled [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/spare-review-titled-and-entitled-11673395043> (дата обращения 03.03.2024)
32. Kaur W. Prince Harry's memoir Spare a portrait of an angry man struggling to make peace with his past. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books/reviews/article-prince-harry-memoir-spare-review/> (дата обращения 26.02.2024)
33. Lampen C. Keeping up with the Royals. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecut.com/2023/01/prince-harry-spare-review-frustrating-and-sympathetic.html> (дата обращения 20.02.2024)
34. Malyuga E., Shvets A., Tikhomirov I. Computer-based analysis of business communication language // 2016 SAI Computing Conference (SAI). – IEEE, 2016. – С. 229-232.
35. Mead R. The Haunting of Prince Harry [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.newyorker.com/magazine/2023/01/23/prince-harry-memoir-spare-review?utm_source=headtopics&utm_medium=news&utm_campaign=2023-01-13 (дата обращения 14.03.2024)
36. Miller L. Prince Harry's Book Is Just Good Literature [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slate.com/culture/2023/01/prince-harry-book-spare-sales-review.html> (дата обращения 12.03.2024)
37. Pavia L. Review: Spare by Prince Harry is a chaotic but stylish memoir that sets fire to the royal family [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа:<https://www.independent.ie/style/review-spare-by-prince-harry-is-a-chaotic-but-stylish-memoir-that-sets-fire-to-the-royal-family/42275282.html> (дата обращения 16.03.2024)
38. Pilkington A. Political correctness in a global age: The ethical implications of a hegemonic discourse // *Global media ethics and the digital revolution*. – 2023.
39. Silveira M. Euphemism as a Mechanism of the Internal Workings of the Politically Correct Language / Zanardi R.C., Silveira M. // *Global Journal of Human-Social Science*, 2022. – Vol. 19(G8). – Pp. 1–7.
40. Vanderhoof E. Prince Harry's *Spare* Is a Romp That Questions the Meaning of Privacy in the 21st Century [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://www.vanityfair.com/style/2023/01/prince-harry-spare-review> (дата обращения 23.02.2024)

References

- Baskova, Yu. S. (2006). *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov* [Euphemisms as a tool of manipulation in the language of the media: on the basis of the Russian and English languages]. (PhD thesis abstract, Kuban State Pedagogical University, Krasnodar, Russia). (in Russian).
- Bayard, L. (2023). The verdict on Prince Harry's book: Juicy, humorous, resentful and sad. *The Washington Post* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.washingtonpost.com/books/2023/01/10/prince-harry-spare-book>
- Brown, T. (2023). Spare by Prince Harry review – magical thinking in Montecito. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/17/spare-by-prince-harry-review-magical-thinking-in-montecito-tina-brown>
- Cooke, R. (2023). Spare by Prince Harry review – dry your eyes, mate. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/15/spare-by-prince-harry-review-dry-your-eyes-mate>
- Coughlan, C. (2023). Spare review: The weirdest book ever written by a royal. *BBC News* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.bbc.com/news/uk-64223264>

- Denisova, E.S., & Haliman, M.B. (2016). Evfemizm kak unikal'nyj yazykovoj fenomen v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah (na materiale tematicheskoy gruppy «Professii») [Euphemism as a unique linguistic phenomenon in Russian and Chinese linguistic cultures (based on the thematic group “Professions”)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 270–280. (in Russian).
- Dockterman, E. (2023). *Spare* Is Surprisingly Well Written-Despite the Drama Around It. *Time*. [Electronic resource]. Retrieved from: <https://time.com/6246029/prince-harry-spare-review>
- Grady, C. (2023). Prince Harry’s *Spare* is a sad and self-indicting portrait of royalty on the brink. *Vox* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.vox.com/culture/23550867/spare-review-prince-harry>
- Grishechko, E. G. (2023). Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*, 7(2), 80-92. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92>
- Hensher, Ph. (2023). *Spare* reviewed: Harry is completely disingenuous – or an idiot. *The Spectator* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.spectator.co.uk/article/spare-reviewed-harry-is-completely-disingenuous/>
- Higgins, Ch. (2023). *Spare* by Prince Harry review – a flawed attempt to reclaim the narrative. *The Guardian* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2023/jan/10/spare-prince-harry-review-attempt-reclaim-narrative>
- Holder, R.W. (2002). *A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean*. New York: Oxford University Press.
- Iacoboni, M., Molnar-Szakacs, I., & Gallese, V. et al. (2005). Grasping the intentions of others with one’s own mirror neuron system. *PLoS Biol*, 3 (3), 0529–0535.
- Ivanyan, E. P., Kudlinskaya, H., & Nikitina, I. N. (2012). *Delikatnaya tema na raznyh yazykah: Monografiya i slovar' evfemizmov delikatnoj temy* [Delicate topic in different languages: Monograph and dictionary of euphemisms of a delicate topic]. Samara: Izd-vo «Insoma-press». (in Russian).
- Jacobs, A. (2023). Prince Harry Learns to Cry, and Takes No Prisoners, in ‘*Spare*’. *The New York Times* [Electronic resource]. Retrieved

- from:<https://www.nytimes.com/2023/01/10/books/prince-harry-spare-review.html>
- Kany, Ch.E. (1960). *American-Spanish Euphemisms*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press.
- Katermina, V.V. *Evfemizaciya kak sredstvo proyavleniya nacional'nogo haraktera* [Euphemisation as a Means of Embodying a National Character] [Electronic resource]. Retrieved from: [fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf](https://www.fakulty/katedra-ruskeho-jazyka-a-literatury/philologia-rossica/philologia-rossica-1/4-studie/3.pdf) (in Russian).
- Kaufman, J. (2023). 'Spare' Review: Titled and Entitled. *The Wall Street Journal* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.wsj.com/articles/spare-review-titled-and-entitled-11673395043>
- Kaur, W. (2023). Prince Harry's memoir Spare a portrait of an angry man struggling to make peace with his past. *The Globe and mail* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books/reviews/article-prince-harry-memoir-spare-review/>
- Kiose, M.I. (2017). Izmenchivyy obraz cheloveka v nepryamyh i pryamyh nominacijah v tekste [The changeable image of a person in indirect and direct nominations in the text]. *Logicheskij analiz yazyka. CHelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke* (pp. 149-160). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (in Russian).
- Kovshova, M. L., & Nistratov, A. A. (2017). Kriterii vospriyatiya evfemizmov: eksperimental'noe issledovanie yazykovogo soznaniya [Criteria for the perception of euphemisms: an experimental study of linguistic consciousness]. *Zhizn' yazyka v kul'ture i sociume - 6* (pp. 329-332). Moscow: Kancler. (in Russian).
- Kovshova, M. L. (2019). Evfemizmy i frazeologizmy: ustojchivye struktury v aspekte evfemizacii [Euphemisms and phraseological units: frozen structures from the standpoint of euphemisation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 4, 35-48. (in Russian).
- Lampen, C. (2023). Keeping up with the Royals. *The Cut* [Electronic resource]. Retrieved from:

- <https://www.thecut.com/2023/01/prince-harry-spare-review-frustrating-and-sympathetic.html>
- Malyuga, E., Shvets, A., & Tikhomirov, I. (2016, July). Computer-based analysis of business communication language. In *2016 SAI Computing Conference (SAI)* (pp. 229-232). IEEE.
- Mansur, M.H.S. (2020). *Frazeologizmy-efemizmy russkogo yazyka na fone arabskogo: lingvokul'turologicheskij aspekt (tematicheskaya gruppya «social'nye poroki») [Phraseologisms and euphemisms of the Russian language against the background of the Arabic language: linguocultural aspect (thematic group “social vices”)]*. (PhD thesis, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia). (in Russian).
- Mead, R. (2023). The Haunting of Prince Harry. *The New Yorker* [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.newyorker.com/magazine/2023/01/23/prince-harry-memoir-spare-review?utm_source=headtopics&utm_medium=news&utm_campaign=2023-01-13
- Miller, L. (2023). Prince Harry's Book Is Just Good Literature. *Slate* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://slate.com/culture/2023/01/prince-harry-book-spare-sales-review.html>
- Orlova, O.S. (2020). *Princip nepryamoj nominacii v zagadkah i efemizmah na temu rozhdeniya i smerti [The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death]*. (PhD thesis abstract, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia). (in Russian).
- Pavia, L. (2023). Review: Spare by Prince Harry is a chaotic but stylish memoir that sets fire to the royal family. *The Irish Independent* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.independent.ie/style/review-spare-by-prince-harry-is-a-chaotic-but-stylish-memoir-that-sets-fire-to-the-royal-family/42275282.html>
- Pilkington, A. (2023). Political correctness in a global age: The ethical implications of a hegemonic discourse. In Miladi N. (Ed.), *Global media ethics and the digital revolution* (pp.15-37). London and New York: Routledge.

- Porohnickaya, L. V. (2018). *Konceptual'nye modeli v semantike evfemizma: Monografiya* [Conceptual models in the semantics of euphemism: Monograph]. Moscow: FSBEI HE MSLU. (in Russian).
- Ramachandran, V., & Oberman, L. (2008). Razbitye zerkala: teoriya autizma [Broken mirrors: a theory of autism]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 6 (3), 1–9. (in Russian).
- Rebrova, N.E., & Babayan, V.N. (2019). Evfemizmy kak sredstvo reprezentacii lingvokul'turologicheskoy informacii (na materiale anglijskogo i nemeckogo yazykov) [Euphemisms as a tool of representing linguocultural information (based on the English and German languages)]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 3 (18), 171–177. (in Russian).
- Romanov, S.I. (2021). *Lingvokul'turologicheskij aspekt evfemizmov russkogo yazyka* [Linguistic and cultural aspect of euphemisms of the Russian language]. (PhD thesis abstract, Tula State Pedagogical University, Tula Russia). (in Russian).
- Zanardi, R.C., & Silveira, M. (2019). Euphemism as a Mechanism of the Internal Workings of the Politically Correct Language. *Global Journal of Human-Social Science*, 19(G8), 1–7.
- Vanderhoof, E. (2023). Prince Harry's *Spare* Is a Romp That Questions the Meaning of Privacy in the 21st Century. *Vanity Fair* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.vanityfair.com/style/2023/01/prince-harry-spare-review>
- Zvereva, M. I. (2017). Istoriya izucheniya evfemizmov v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike [History of the study of euphemisms in Russian and foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (78), 86-90. Tambov: Gramota. (in Russian).
- Zherebilo T.V., & Mejrieva A.S. (2015). Klassifikaciya evfemizmov, ispol'zuemyh v sovremennom russkom yazyke [Classification of euphemisms used in modern Russian]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2(5), 1107–1110. (in Russian).
- Zubkova, O.S. (2021). Aksiologicheskij aspekt kodifikacii obraznyh sistem metaforicheskikh znachenij v diskurse skazki [Axiological aspect of codification of figurative systems of metaphorical

meanings in the discourse of a fairy tale]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 1(40), 95–101. (in Russian).
Zubkova, O.S., & Logvina S.A. (2022). *Aktual'nye tendencii i zakonomernosti razvitiya evfemii* [Current trends and patterns of euphemism development]. Kursk: Izd-vo ZAO «Universitetskaya kniga». (in Russian).

УДК 811.11-112

<https://doi.org/10.25076/vpl.54.03>

Лебедева И. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Иванова М.В.³

Литературный институт имени А.М. Горького

**ПЕРСУАЗИВНОСТЬ, ХЕДЖИРОВАНИЕ И
ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ КАРТИНЫ СОБЫТИЯ В ХОДЕ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

Настоящее исследование посвящено изучению моделей дискурсивного поведения участников судебного заседания на этапе перекрестного допроса, которые позволяют им осуществлять контроль над процессом конструирования репрезентативной картины события. Процесс создания нового представления о реальном событии может носить ненамеренный и намеренный характер. Особенностью институционального дискурса является намеренный характер изменения представлений о реальности. Чаще всего это связано с наличием конфликта интересов участников институционального общения. На стадии перекрестного допроса конфликт интересов приобретает

³ © Лебедева И.С., Иванова М.В. 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>